

ВЕТКА СОСНЫ

Водитель автобуса Пётр Семенов, его жена продавщица Люба Семенов и дети их – пятнадцатилетняя Катя, тринадцатилетний Витя и малая Надя неполных трёх годков от роду – жили, не тужили, пока Петру не ударила седина в бороду, а с ней, как водится, и бес в ребро: утёк Петюня из дома.

Недалеко слился, буквально за забор к бездетной соседке Жанне Лапшиной. Та как раз соломенной вдовой осталась по случаю отъезда мужа в город на заработки.

Поначалу Люба ударилась в рёв: «Да ты чё, старый дурак!.. Да на кого ж ты нас оставил?!.. Да как же я одна с тремя-то?!». Давление на мужнину жалость произвело обратный эффект: глянув на красное, залитое слезами лицо жены, Петя брезгливо сморщился и скоренько вышел за дверь. Уходя, он прихватил чемодан со своим барахлишком и оставил обещание помогать алиментами.

Ещё немного поплавав, Люба пришла в ярость: сбегала к Жанне, выдрала у неё клок рыжих волос, не выбирая слов, сообщила, кто есть та Жанна на этом свете и напоследок так от души треснула дверь, что гордость хозяйки – импортная люстра – возмущённо зазвенела всеми своими многочисленными стекляшками.

Дома Люба упала на диван, не зная, как быть дальше.

В комнате бурчал телевизор, перед ним сидел притихший Витька и делал вид, что увлечён передачей.

На экране два мужика – один седой, с мощными плечами, другой помоложе и помельче – о чём-то серьёзно рассуждали. Звучали слова «кармический урок», «восточная мудрость», «духовный рост», ещё какие-то мутные выражения, от которых Люба опять пришла в раздражение.

– Что за лабуду ты смотришь? Уроки сделал? – обрушилась она на Витьку. – А девки где?

– Я смотрю фильм про восточные единоборства, уроки сделал, – невозмутимо отвечал сын, соблюдая порядок вопросов. – Катька ушла в свой драмкружок, Надьку ты сама вчера к тётке Вере отвезла.

Люба изумилась спокойствию сына, не нашла о чём ещё спросить и тоже уставилась на экран, где мужики от слов перешли к действию. Оба вдруг оказались в халатах, смахивающих на домашний наряд Жанны Лапшиной, только не расписанных ветками и драконами по бордовому полю, а в белых с черными подпоясками. Халаты подняли из глубины раненой Любиной души очередную волну рыданий, но слёзы остались непролитыми – передача Любу увлекла.

Мужики топтались босыми ногами, хватили друг друга за грудки, словно хотели подраться, да никак не решались. Мелкий при этом продолжал говорить:

– Главное, не терять равновесия душевного и физического. В спокойствии вы обретёте ту силу, что приведёт вас к победе...

Казалось, он просто шагнул в сторону, но большой вдруг рухнул на пол, потом поднялся и вместо того, чтобы ответно дать сопернику в морду, как это сделал бы любой нормальный мужик в посёлке, поклонился ему.

Люба удивилась:

– Не поняла... Они дерутся или нет?

– Это он принцип айкидо показывает, как можно победить без сопротивления, – важно изрёк Витька.

– Как?

– Мам, потом объясню, ты пока смотри, не мешай.

Оба собеседника снова оказались в студии в обычных костюмах при галстуках.

– ...Представьте, что вы – ветка сосны зимой, – предложил мелкий.

Люба послушно вообразила себя старой корявой сосной, растущей в дальнем конце огорода, и ощутила вдруг такой холод одиночества, что опять вознамерилась заплакать, но не успела – картинка в телевизоре сменилась, вместо говорящих голов появился пейзаж: на низкое разлапистое дерево медленно опускались крупные снежные хлопья...

– Тяжесть давит, – продолжал вещать молодой, седой почтительно внимал. – Но ветка не сопротивляется, она послушно сгибается. И вот, когда масса достигает критической величины, снег соскальзывает.

Действительно, на землю мягко шлёпнулся небольшой сугроб, и сосновая ветка облегченно закачалась.

Любе показалось, будто не только дерево, но и она сама задышала свободней.

– Во даёт! – вырвалось у неё.

– Чё? – отозвался Витька.

– Да ничё... Это что за наука такая?

– Древнее боевое искусство. Философия. Нападающего тяни, убегающего толкни. Там ещё есть... это... сиди на берегу реки, ничё не делай, потом увидишь, как мимо плывет труп твоего врага... Ну, в смысле, не суетись зря.

Люба изумлённо посмотрела на сына, удивляясь, когда это он успел повзрослеть: и говорит солидным баском, и усишки пробиваются. Ей вдруг стало стыдно за свою истерику, за драку с Жанной... Хорошо, что дети того «концерта» не видели.

– Где ты такое вычитал?

– Тренер рассказывал.

Точно, вспомнила Люба, осенью Петя сына в секцию записал. Выходит, пацанов там не от хулиганов отбиваться учат, а на берегу сидеть и ничего не делать! Она совсем было собралась возмутиться, но... легко покачивающаяся ветка сосны взывала к молчанию.

Вечером Любина старшая сестра Вера привезла малую Надю и попыталась организовать совместное возмущение подлым поступком Петра. Но обычно громогласная и решительная Люба в этот раз была непривычно тиха и разговор не поддержала. Погружённая в какие-то размышления, она ставила на стол, убирала посуду так тупо-заторможено, что Вера испугалась: как бы сестра чего худого с собой не сотворила, даже хотела остаться ночевать, на что Люба категорически возразила:

– Ещё чего! Я же не лежачая больная, чтобы со мной рядом сидеть! Ступай к своим, всё будет айкидо.

– Чего?

– Ничего! Сиди на берегу, жди, труп мимо проплывёт.

– Ты в своём уме?

– Нет, блин, в твоём! – внезапно вспыхнула Люба, чем Веру успокоила: если ругается, значит, с ней всё в порядке.

Утром, стоя за прилавком, Люба машинально отвечивала товар, отсчитывала деньги и сама удивилась, как сдержанно отнеслась к появлению разлучницы Жанны.

Бабы в очереди аж дышать забыли в ожидании развлечения – скандала, может даже с дракой, но не дождались. Брошенка Люба отчего-то не разъярилась, а предельно спокойно, даже слегка торжествуя, прилюдно заявила сопернице:

– Что ж, раз такое дело, раз между вами любовь неодолимая, забирай мужика. И всё самое дорогое совместно нажитое я тоже ему отдаю.

Брови Жанны поползли вверх и скрылись под рыжей чёлкой, она тарасила глаза, в изумлении приоткрыв рот.

– Да, самое дорогое, – торжественно повторила Люба. – Троих наших детей. Пока муж со мной жил, – она прижала ладонь к сердцу, – это был наш общий крест, теперь ваш, – простёрла Люба в сторону Жанны широкую пятерню, словно на ней и правда лежал какой-то незримый предмет, – несите его вместе. Пообещала тихо:

– Я их каждый день навещать буду, благо калитки у нас рядом, и алименты платить, как положено, – опустила руки и скрылась в подсобке.

Обалдевшая Жанна пробормотала что-то вроде: «Надо Петю спросить» и без покупок унеслась обратно.

Ой, что в посёлке началось! Про Петьку-предателя и распутницу Жанку все позабыли и обсуждали только беспрецедентное отречение матери от родных детей.

Активная пенсионерка Шубина немедленно настрочила письмо Андрею Малахову в программу «Пусть говорят», требуя разобрать поведение семьи Семеновы перед всем честным народом. Шубиной очень хотелось прокатиться за чужой счет в Москву, и мечта её вполне могла бы осуществиться, продлись эта история чуть дольше...

Надо сказать, ребятня у Семеновы вся в отца уродилась: шептунья, готовая на любой шухер, кроме голодовки. К тому же старшая Катерина себя в артистки готовила, она быстро материн сценарий просекла и брату разъяснила. Витька лишь усмехнулся да буркнул что-то невнятное про ветку сосны. Собрали старшие свои вещички, подхватили малую Надю и с воплями: «Папка, мы тебя не бросим!» ввалились к Жанне в дом.

Вечером любопытные соседки наблюдали, как туда же степенно проплыла принаряженная Люба с гостинцами – кульком пряников, коробкой конфет и большой бутылью лимонада. Через час она так же невозмутимо вернулась к себе с пустыми уже руками и спокойно улеглась спать, не заморачиваясь на ужин, проверку уроков, умывание вечно чумазой Надю, постирушку и прочие свои ежевечерние хлопоты.

Что происходило в доме у Жанны Лапшиной, никто не видел, только на другой день с утра ребятнишки тем же порядком, с теми же рюкзаками, но уже в сопровождении отца с чемоданом, вернулись обратно.

Детей Люба приняла, а вот неверному супругу дала от ворот поворот: топай, говорит, милый, откуда пришёл!

Петро попытался было обратно к Жанне ходку сделать, только не вышло: та к своему возлюбленному отчего-то вдруг охладела.

А ещё через день и Жаннин муж неожиданно из города возвратился – не иначе, как несостоявшаяся телезвезда Шубина донесла, что его место подле жены другой мужик греет...

Лапшин пошумел, конечно, погонял изменщицу по огороду, пригрозил Петьке башку оторвать – и успокоился.

Изгнанный отовсюду Пётр Семенов временно к одному из своих дружков пристроился, но каждый вечер у жены под окнами пыхтит. Помалкивает, только в глазах его такая мольба, такая тоска, что и без слов понятно: тошно мужику. Примет его Люба

обратно или нет, этого уже никакая восточная философия предсказать не в состоянии, это теперь только время покажет.